

“Церковь Твою утверди”.

Из воспоминаний о церковной жизни Харбина

Воспоминания харбинского священника **Николая Падерина** (впоследствии епископа Зарубежной Церкви в Бразилии). Были опубликованы в Самиздате в г. Сан-Пауло в 1967 г.

Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоя (Пс 25:8).

Эти священные слова псалмопевца с глубокой осмысленностью отражают его духовное стремление к Богообщению — особенно там, где, как некогда в скинии и в храме Соломоновом (а затем — и в новозаветных храмах), явственно ощущается присутствие Божие, где слава Господня наполняет сердца верных благоуханием Духа. Напрасно суетный греховный помысл в угоду духу злобы старается отвергнуть не человеческое, но Божие установление о почитании храмов и благоговейном служении в них. Дом Мой домом молитвы наречется, а вы сделали его вертепом разбойников, сказал некогда Христос нарушителям благопристойности в Иерусалимском храме. Разве не говорит это о высоком значении храма как дома Божия, о должном благолепии которого печется Сам Господь славы? Христианский храм — это поистине небо на земле. Формы церковного богослужебного обряда есть выявление высокого христианского духа молитвы. Святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил, что Церковь святая православная, апостольская имеет, по апостолу, ум Христов (1 Кор 2:16); поэтому все ее молитвы, возгласы, песнопения, обряды, уставы и пр. имеют особое высокое, достойно уважаемое значение и силу. Христианский храм — это средоточие духовной жизни человека, это училище благочестия, место освящения и единения верных чад Церкви с Единым Богом Отцом. Насколько важен храм для религиозного воспитания и духовного удовлетворения человека, достаточно ярко свидетельствует история русского рассеяния. Где бы ни объединилась хоть малая группа православных русских людей, ее первой заботой является создание духовного очага, места молитвы, места освящения в таинствах. Эта сила религиозного духа создала множество больших и малых православных храмов во всех странах рассеяния, а около них — множество тех благотворительных и просветительных учреждений, которые свидетельствуют о деятельной христианской настроенности по заветам Евангелия.

Нам, бывшим дальневосточникам, навсегда памятна церковная и связанная с ней общественно-благотворительная жизнь Харбинской епархии. Харбин — относительно небольшой город на северо-западе Китая, в Маньчжурии. Сколько лучших, священных воспоминаний пробуждает этот город — в свое время центр церковной жизни в Китае. Харбин славен своими храмами, школами, благотворительными учреждениями, своим бытом. В краткой заметке нет возможности коснуться всего того, что составляло импульс церковной жизни Харбина. Долгие годы в Харбине широко осуществлялось храмоздательство — по мере того, как четко обозначались места оседлости или прежние храмы становились недостаточно вместительны.

Харбинская епархия как таковая ведет свое начало с 1922 года. Основоположником ее и первым епархиальным архиереем был высокопреосвященный Мефодий (Герасимов), впоследствии митрополит Харбинский и Маньчжурский. Ко времени расцвета Харбинской епархии в ее состав входило 60 приходов с монастырями при 100 священнослужителях. В самом городе Харбине был создан 21 храм. Каждый приход имел свою особенность, свойственную его месту расположения и жизненным условиям объединенных в нем прихожан. В центре, на площади скрещения двух главных улиц Нового города, находился деревянный, небольшой, но стильный и благолепный Свято-Николаевский кафедральный собор, можно сказать, глава церковного организма Харбинской епархии. Он, если так можно выразиться, был отцом всех церквей епархии и таким именно почитанием пользовался со стороны всех. Вся богослужбная сторона знаменательных церковных событий в жизни епархии в самой торжественной обстановке осуществлялась именно в соборе; да и в обычное время он неизменно привлекал к себе сердца верных своей уставной строгостью, торжественностью, благодатной молитвенностью. **Соборный образ святителя Николая был глубоко почитаемой святыней всех харбинцев; собор и образ святителя Николая в сознании верующих были неотделимы.**

Другой чтимый образ святителя Николая находился на Харбинском вокзале, главном узле железнодорожной сети Маньчжурии. Каждый едущий по железной дороге имел возможность зайти в комнату, где находился этот образ, поставить свечу и испросить благословения Святителя на свое путешествие. Да и не только в этих специальных случаях, но и во всякое время почитатели Святителя устремлялись туда для уединенной молитвы перед **“вокзальным образом”**. Самое имя святителя Николая светилося ярким огнем любви и особого почитания в сердцах верующих харбинцев. Он вполне может быть назван покровителем Харбина и охранителем всех, обращающихся к его молитвенному покрову.

Имя святителя Николая было известно и благоговейно почиталось не только среди православных русских людей, но и среди язычников-китайцев. Сколько трогательных повествований слышали харбинцы о помощи святителя Николая именно этим простецам-язычникам по их вере в близость к Богу этого “русского” святого. Тонет несчастный китаец в волнах реки Сунгари и в этой беде просто и непосредственно обращается в своем сознании к “русскому” святому на своеобразном “русском” же языке: **Старика-вокзала, помогай!** Рассказ о необыкновенном явлении одному русскому шоферу такси долго передавался из уст в уста и нашел свое отражение в народном литературном творчестве; к сожалению, составленного кем-то стихотворения об этом событии у меня не сохранилось. Было это зимой, незадолго перед днем памяти святителя Николая 6/19 декабря, машина только отошла от вокзала по направлению к собору. Какой-то старичок, с виду бедный, несчастный, знаком руки останавливает машину. Шофер, движимый чувством сострадания, принимает пассажира и готов доставить его до дому бесплатно. Автомобиль подымается в гору, вот уже и собор, и шофер теперь только спрашивает, куда ехать дальше, а в ответ слышит: Мне сюда нужно, я здесь живу. Повернувшись, чтобы открыть дверь неведомому пассажиру, шофер никого не находит в машине — и нигде кругом на улице нет убогого старичка. В день престольного праздника в соборе, в церковной проповеди, кафедральный протоиерей Л. Викторов коснулся и этой темы, указав на ту любовь к Святителю со стороны верующих харбинцев, которая вплела еще один благоуханный цветок в венец прославлений угодника Божия.

Спустя несколько лет вокзальный образ святителя Николая по распоряжению местных китайских властей был удален после долголетнего пребывания на харбинском вокзале и с подобающей честью перевезен в Свято-Николаевский собор. В машине, в сопровождении священнослужителей, прибыл с вокзала чтимый образ и под торжественный трезвон соборных колоколов был встречен у ворот церковной ограды крестным ходом во главе с епископом Харбинским и Маньчжурским Никандром (Викторовым), духовенством и множеством народа. Преосвященный склонился и облобызал образ. В соборе был тотчас совершен торжественный молебен, а через несколько дней образ был установлен для постоянного пребывания в Иверской часовне при соборе. В кануны дней памяти святителя Николая у вокзальной иконы совершались ранние вечерние богослужения, а в самые дни праздника — молебны в течение всего дня. Так бережно хранилась память о великом вселенском Святителе и ярко горела вера в его дерзновение к Богу в молитвах о нас грешных.

Говоря о соборном приходе, следует упомянуть о той благотворительной работе, которая проводилась **Братством “Нечаянной Радости”**, много лет существовавшим при соборе. Основная задача Братства заключалась в посильной помощи денежными средствами тому, у кого неожиданно случалась беда, когда он в первый момент терялся при своей полной беспомощности. Оказывалась, конечно, и периодическая помощь многим нуждающимся как некоторая поддержка в их трудном положении. Братство трудилось под покровом Богородицы, избрав своим праздником день иконы Божией Матери “Нечаянной Радости”, в честь которой был освящен престол левого придела в соборе.

В районе пристани, вблизи реки Сунгари, на Полицейской улице возвышался величественный Благовещенский храм. В свое время это было подворье Пекинской Духовной Миссии, но с 1942 года оно перешло в ведение Харбинской епархии. Новый Благовещенский храм построен трудами высокопреосвященного Мелетия (Заборовского), митрополита Харбинского и Маньчжурского, исключительно на средства, поступавшие в виде доброхотных жертв на храмоздательство со стороны верующих харбинцев. Благовещенское подворье являлось постоянной резиденцией владыки Мелетия. Обширный Благовещенский храм имел, кроме главного алтаря, придел с правой стороны во имя преподобного Сергия Радонежского. С левой стороны был сооружен ради симметрии иконостас, без алтаря за ним. Вместо царских врат в этом иконостасе был помещен большой образ Благовещения Пресвятой Богородицы, чудесно сохранившийся в пожар 1918 года в старом Благовещенском храме. То был первый Благовещенский храм, на месте которого был построен второй кирпичный, а затем в 1941 году — освящен новый благолепный храм. Пожар в старом Благовещенском храме был настолько силен, что железные и другие металлические предметы и детали расплавились, вся церковная утварь сгорела, стены изнутри рухнули, а снаружи кирпич местами развалился. Целиком устояла только южная алтарная стена, где под стеклом невредимо стоял образ Благовещения Божией Матери. *«Святой образ величественно, как “нерушимая стена” стоял среди развалин и как-то особенно торжественно выглядел над беспорядочной грудой тлевших угольев и раскаленных металлических слитков».* (“История Благовещенской церкви”. 1941).

Ежегодно в праздник Крещения Господня в Благовещенский храм устремлялось почти все православное население города. Отсюда в этот день после Божественной литургии на лед реки Сунгари выходил объединенный крестный ход пяти ближайших церквей для совершения там Великого водосвятия. Величественное это было шествие, оно выявляло силу религиозного духа и веру в благодатное действие освященной воды перед лицом языческого населения города. Многие тысячи людей сопровождали крестный ход, возглавлявшийся епархиальным архиереем, который во все время пути, поддерживаемый двумя архимандритами, нес святой Крест на главе. Целый сонм священнослужителей шел попарно в светлых облачениях. Множество икон и хоругвей свидетельствовало о высоте события. С колокольни Благовещенского храма торжественно гудели колокола, самый большой из которых весил 216 пуд. 20 ф. (ок. 3465 кг). То звонила молодая русская девушка, провожая шествие для общегородского водоосвящения и затем снова отмечая возвращение крестного хода.

На месте водосвятия к прибывшим присоединялся крестный ход Затонской Свято-Николаевской церкви, расположенной на другом берегу реки. И вот, чин освящения воды совершается у большого ледяного креста. Звуки священных песнопений несутся в морозном воздухе, услаждая души собравшихся высокой религиозной настроенностью. Вот спускается с ледяной кафедры святитель и опускает святой Крест в прорубь реки Сунгари. *Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...* — звучат всем знакомые слова праздничного тропаря. В этот момент взвивается стайка голубей и кружится над местом освящения. Те, кто стоит вдали и не слышит звуков песнопений, узнают по этому знаку о наступлении священного момента и истово крестятся. Вода течет по выбитым во льду желобам, что дает возможность освятиться и наполнить ею сосуды, принесенные с собой верующими. Несколько в стороне, в специально изготовленной проруби, десятки людей молодых и пожилых опускаются в освященную воду с верой в ее укрепляющее и исцеляющее болезни действие. Этот день считался поистине общегородским праздником и свидетельством православного торжества веры.

Одним из первых по времени постройки харбинских храмов был “военный” Иверский храм на Офицерской улице. Обширный семиглавый храм-памятник был построен в память героев русско-японской войны, имена коих запечатлены на сводах и колоннах храма. Это единственный храм в Харбине, украшенный мозаичными иконами. Кроме главного алтаря, здесь имелось два придела: во имя святителя Николая Мирликийского и преподобного Серафима Саровского. Иверское подворье занимало значительную территорию, как, впрочем, и большинство харбинских храмов. Наиболее широкую деятельность Иверский приход развил в период настоятельства там первого викария Харбинской епархии, епископа (впоследствии архиепископа) Хайларского Димитрия (Вознесенского). При подворье был образован **приют для престарелых**, а также **и для детей-мальчиков**, которые при полном содержании получали должное воспитание, находясь постоянно при храме, участвуя в богослужении и обучаясь в городских школах. Приход имел также **благотворительную столовую, названную “Серафимовской”**, где бедные и неимущие могли получать питание по удешевленной цене или бесплатно. Благодаря устраиваемым владыкой Димитрием специальным богословским беседам, Иверская церковь считалась рассадником богословского любознания; позже такие беседы стали проводиться и в некоторых других городских приходах.

Резиденцией второго викария Харбинской епархии, епископа Цицикарского Ювеналия (Килина), был Казанско-Богородицкий мужской монастырь в районе Гондатыевки. Владыка Ювеналий совместно со своими достойными помощниками много потрудился над благоустройством этого трудолюбного общежительного монастыря. Монастырский храм также имел три престола: главный в честь Казанской иконы Божией Матери, правый — во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона и левый — архистратига Божия Михаила.

Послушания для монашествующей братии были самые разнообразные. Вокруг монастыря постепенно образовалось целое поселение, которое за-тем вошло в черту города, и таким образом для священноиноков явилась необходимость обслуживания религиозных нужд проживающих в этом районе верующих. На территории монастыря было несколько корпусов, где помещались келлии для братии и насельников. Имелась переплетная мастерская и типография, где печатались книги преимущественно аскетического содержания, а также и церковный журнал.

Благодаря широкой отзывчивости на дела благотворительности при монастыре была создана больница имени доктора В. А. Казем-Бека, отдавшего свою еще молодую жизнь ради спасения юной пациентки. Исключительная личность врача-гуманиста привлекла к нему неослабную силу любви и чувства неоплатной благодарности со стороны всех слоев населения Харбина. В день погребения д-ра Казем-Бека в городе был дан минутный гудок в знак всеобщей скорби. Из Иверского храма до Успенского кладбища похоронную процессию сопровождали несметные толпы людей всех национальностей, всех положений, от нищего до богатого, от высокопоставленного до бездомного ночлежника. При монастырской больнице существовала аптека и бесплатная амбулатория. Священноиноки монастыря регулярно совершали в больнице молебствия с акафистами, а также укрепляли духовно и напутствовали Святыми Тайнами уходящих из земной жизни в жизнь вечную.

При входе в монастырь помещался киоск, где можно было приобрести иконы, крестики и религиозно-нравственную литературу. Имел монастырь и свое подсобное хозяйство, скот, огород; был разбит красивый сад.

Скорбященский храм Камчатского подворья на Батальонной улице Харбина был создан преосвященным Нестором (Анисимовым), епископом Камчатским и Петропавловским, имевшем в этом подворье свое постоянное пребывание после постройки там вместительного храма. Позже перед храмом была построена часовня-памятник убиенной царской семье, с внешней стороны имевшая вид шапки Мономаха. Впоследствии в этой часовне был установлен иконостас, и там некоторое время совершались богослужения в будние дни. Владыка Нестор с присущей ему энергией широко развил на Камчатском подворье благотворительную деятельность. Убогие старцы и юные дети нашли для себя приют под покровом Царицы Небесной “Всех скорбящих Радости”. В **детский приют** принимались только девочки. Многочислен был состав призреваемых Дома милосердия, как стало называться подворье, но помощь Божия не оскудевала, и долгие годы обездоленные и страждущие люди находили здесь для себя тихое пристанище.

Непосредственное духовное попечение о насельниках и детях приюта было возложено на наместника Дома милосердия, архимандрита Филарета.

Придел Скорбященского храма был посвящен святому великомученику и целителю Пантелеимону и святой великомученице Варваре. За ранней литургией в приделе обыкновенно пел хор призреваемых детей. В день памяти святого великомученика Пантелеимона ежегодно совершались панихиды по всем умершим православным врачам и всем подвизавшимся на медицинском поприще.

При подворье имелась иконописная мастерская, в которой трудилась опытная и усердная иконописица игуменья Олимпиада, под руководством которой обучались этому делу способные девочки из приюта. Имело подворье также и свою типографию. При вступлении владыки Нестора в управление Харбинской епархией в ее состав вошел и приход Дома милосердия.

На Сквозной улице в районе пристани возвышался благолепный храм Софии Премудрости Божией, который привлекал внимание своим величием и архитектурными особенностями. Храм имел два придела: во имя пророка Божия Илии и святого равноапостольного князя Владимира. Строителем Софийского храма был известный в Харбине коммерсант, владелец чайной фирмы К. Ф. Чистяков. Приход имел свое благотворительное учреждение — Софийское приходское похоронное бюро. Едва ли нужно говорить, какое значение могло иметь для беднейшего населения города такое учреждение. Если не на катафалке, то хоть на дрогах и хотя в простом гробу, но с крестом на нем, а также и с надмогильным холмом и по православному обычаю совершалось погребение безродных или неимущих людей.

В течение многих лет в старом Софийском храме помещался епархиальный совет, в который помимо правящего архиерея входило три члена совета при нескольких сотрудниках. Работа в епархиальном совете велась ежедневно. Здесь всегда можно было встретить духовенство из городских и линейных (железно-дорожных — Ред.) приходов, приезжавшее в Харбин по своим церковным делам, а также много светского люду с вопросами по различным общественным и личным делам. Епархиальная библиотека, помещавшаяся тут же, привлекала многих посетителей многообразием отделов и некоторыми редкими трудами ученых богословов. Функционировала она, однако, с перерывами, а затем и совсем закрылась для общественного пользования.

Официальным епархиальным печатным органом был журнал “Хлеб Небесный”, в котором помимо официальной части и хроники церковной жизни помещались разнообразные статьи, главным образом из древнерусского церковного быта.

В помещении епархиального совета по вечерам проводились занятия Пастырско-богословских курсов, преобразованных затем в богословский факультет, который после закрытия Института

святого Владимира продолжал существовать как самостоятельная **Высшая Духовная школа**. Студенты, окончившие четырехгодичный курс, представившие кандидатское сочинение и сдавшие государственный экзамен, получали ученую степень кандидата богословия. Ректором богословского факультета был правящий митрополит Мелетий, деканом состоял магистр богословия архимандрит Василий (Павловский), впоследствии епископ Венский, после которого эту должность занимал профессор протоиерей Виктор Гурьев. Профессорский состав был главным образом из лиц с академическим образованием Российских Духовных академий или окончивших Харбинский богословский факультет. Среди студентов были лица как духовные, так и светские; некоторые из них имели светское высшее образование.

При богословском факультете существовало Братство имени святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова с Издательским комитетом при нем. В задачу Братства входила всемерная помощь студентам в получении ими богословского образования. Члены Братства пользовались его библиотекой, в которой были сосредоточены необходимые пособия-лекции (их приходилось размножать упрощенным способом — печатать на машинке). В воскресные дни периодически устраивались студенческие собеседования. Распространение богословской, религиозно-нравственной литературы осуществлялось Издательским комитетом.

Помимо собственных изданий, из которых следует отметить “Жития святых” (по святителю Димитрию Ростовскому; к сожалению, только за два с половиной месяца), “Псалтирь протолкованную” епископа Димитрия (Вознесенского), “Домашний молитвослов для усердствующих” — его же; книги “Старец Амвросий Оптинский” архимандрита Агапита, “Пред очами Божией правды” иеромонаха Мефодия, “Старец Макарий Оптинский”, “Старец Парфений Киевский”, “Пастырь-подвижник”, “Смерти нет”, в книжном киоске Братства были и такие ценные церковные издания, как “Христианское мировоззрение” протоиерея Н. Вознесенского, “Катехизис” — его же, “Апокалипсис в перспективе 20-го века” епископа Димитрия, “Церковный энциклопедический словарь” архимандрита Феодосия (Перевалова). Из богослужебных книг были изданы на церковнославянском языке служебник и часослов. На складе Братства имелись различные иконы, священнические наперсные кресты, цепочки, нательные крестики и другие предметы церковного обихода, удовлетворявшие потребность в них в епархиальном масштабе. Братство издавало также свой журнал “Вестник Братства”.

Софийский храм таким образом стал местом епархиального административного управления и храмом высшей богословской школы в Харбине.

Одним из наиболее густонаселенных “русских” районов Харбина было Мадягоу, которое, в силу этого стало называться среди его жителей *Царским Селом*; идя по Мадягоу, всегда можно было слышать русскую речь, как на улице, так и в любом магазине или лавке, где сами китайцы, имея своими постоянными покупателями исключительно русских, приспосабливались, как могли, употреблять их язык. Хотя это же самое относится и ко всему городу в целом, но в Мадягоу ситуация была наиболее показательной вследствие плотности русского населения этого района и многочисленности торговых рядов на Гоголевской улице. Отдельные небольшие домики,

окруженные приусадебными садами, создавали этому району русский колорит во всей его привлекательности.

На углу Церковной и Скобелевской улиц в Мадягоу был расположен обширный трехпрестольный храм святителя Алексия, митрополита Московского, с приделами в честь святителя Иннокентия Иркутского и Божией Матери “Всех скорбящих Радости”. Приход в Мадягоу считался одним из наиболее многолюдных.

Если старый Софийский храм принял в свои священные стены студентов высшей богословской школы, то в старом Свято-Алексеевском храме была образована другая духовная школа — **Харбинская Духовная семинария**, которая пришла на смену Алексеевскому реальному училищу. Семинария была основана в 1939 году и просуществовала до 1946 года; за это время из ее стен вышло 40–45 абитуриентов шести выпусков. Срок обучения был шестилетний. Два первых класса, куда принимались окончившие начальную четырехлетнюю школу, считались подготовительными и четыре последующих — основными. Общее число учащихся составляло 50–60 человек; в течение организационного периода было, конечно, меньше классов и учеников. Программа Духовной семинарии объединяла в себе предметы как специально богословские, так и общеобразовательные. Такая расширенная программа была известной нагрузкой по сравнению с другими средними учебными заведениями. Аттестат зрелости, выданный по окончании полного курса семинарии, признавался государством наравне с прочими, так что окончившие семинарию могли поступать и в любое светское высшее учебное заведение на общих основаниях, а на богословский факультет семинаристы принимались без экзамена.

Небесным покровителем семинарии был преподобный Сергей Радонежский, память которого празднуется 25 сентября. В этот день Божественную литургию, как и всенощную накануне, в семинарском Свято-Алексеевском храме совершал один из проживавших в Харбине преосвященных в сослужении почтенного ректора протоиерея Аристарха Пономарева, преподавателей семинарии, состоящих в священном сане, и городского духовенства. За богослужениями неизменно пел хор семинаристов. После литургии в помещении семинарии проводился утренник силами учащихся, а затем трапеза для гостей и семинаристов. Неоднократно семинарский хор выступал в городском Железнодорожном собрании с концертом русской песни, вызывавшим большой интерес и одобрение публики. В школьных праздниках участвовал обычно и струнный оркестр семинаристов. Существовала при семинарии и спортивная секция. На экзаменах выпускных классов, кроме отца ректора и преподавателей, присутствовали обычно один или два епископа, а на выпускной акт прибывали все харбинские архиереи.

Прихожане Свято-Алексеевского храма всегда видели впереди себя за богослужениями строй семинаристов и малый состав семинарского хора на левом клиросе. Духовная семинария — это детище Алексеевского прихода в Мадягоу.

Обе харбинские духовные школы воспитали в своих стенах многих благоговейных, церковно настроенных людей, впитавших в умы и сердца высокие богословские истины Православной Церкви и с этим духовным багажом влившихся в бурлящие воды жизненного потока. Эти два рассадника духовного просвещения принесли и свой скромный дар Православной Церкви в лице новых священнослужителей, несущих в настоящее время крест пастырства в различных частях света.

Богородице-Владимирский женский монастырь на Почтовой улице был местом молитвенных подвигов честных монахинь и послушниц, вставших на путь отрешения от суеты мира и всецелой преданности руководству своих духовных наставников. Монастырский домовый храм (небольшой вместительности) сосредотачивал в себе многие прославленные святыни, наиболее почитаемой среди которых была Владимирская икона Божией Матери, обновившаяся на руках игумении Руфины 26 августа 1925 года. С левой стороны к главному храму примыкал маленький трапезный храм во имя Живоначальной Троицы, а в подвальном помещении находился пещерный храм в честь святого великомученика Димитрия, мироточца Солунского. Войдя в монастырский храм в небогослужебное время, можно было увидеть там несколько монахинь на послушании. Одна вытирала иконы, вычищала от воска подсвечники, другая чинила облачения, третья что-то вязала и т. д. Все это совершалось при полном молчании, с сосредоточенным вниманием, как служение храму, месту духовного воспитания. Одна-две горящие лампы напоминали о непрестанной молитве, которую творят инокини во всякое время, находясь в этой благодатной обстановке.

При монастыре была часовня, куда заходили для краткой молитвы или служения молебнов и панихид православные люди, а особенно прилежно молились здесь перед уроками, идя в находившуюся вблизи монастыря школу, русские дети, получая от дежурившей монахини зашитую в маленький мешочек святую травку.

Несколько раз в году в монастыре проводились ночные моления, привлекавшие всегда большое число молящихся из разных районов города. Многие принимали этот подвиг как говение и подходили в эту ночь к святой Чаше. При строго уставном порядке службы особенно умирительное настроение создавало на ночном молении антифонное пение служащим духовенством и хором монахинь Полиелея с акафистом.

Ольгинский приют при женском монастыре воспитывал девочек-сироток или находившихся в бедственном положении. Как в храме в часы богослужений, так и в свободное время развлечения в монастыре можно было видеть детвору в беленьких косынках, беззаботно проводившую годы своего детства в святой обители, под покровом Божией Матери.

Существовала при монастыре иконописная мастерская, пошивочная и др.; было также и монастырское хозяйство.

Расположенный в центральной части города и ограниченный своей территорией, женский монастырь сочетал, однако, свое внутреннее делание труда и молитвы с подвигом служения делу милосердия. Небольшой, но яркий огонек благочестия свидетельствовал о высоте жизни иночествующих.

Спасо-Преображенский храм объединял значительное число православных жителей района Корпусного городка. Помимо прямых приходских обязанностей, причт Спасо-Преображенской церкви духовно окормлял насельников находившегося вблизи храма епархиального дома-убежища имени митрополита Мефодия. В этот приют принимались мужчины и женщины на склоне лет; содержались они на средства епархии. Некоторое время должность заведующего приютом исполнялась вторым священником Спасо-Преображенской церкви, который таким образом был для старцев и духовным наставником, и заботливым попечителем. Наличие старческого дома в Корпусном городке давало возможность прихожанам церкви посещать и морально поддерживать одиноких и больных старцев.

В центральной части города, на Большом проспекте, на территории старого русского кладбища был воздвигнут храм Покрова Пресвятой Богородицы, вокруг которого сосредоточилась церковная жизнь жителей прилегающего района, в большинстве украинцев, почему Покровский приход стал называться еще *украинским*. Придел Покровского храма был посвящен святителю Иннокентию Иркутскому, и в нем, как и в других храмах с приделами, совершалась в праздничные дни ранняя литургия. Надмогильные памятники или просто могильные холмики окружали Покровский храм и напоминали живым людям о вечных ценностях, не престающих за гробом, о неослабном единении вокруг Церкви как верной материнской опоры и здесь, в земном странствии, и в жизни грядущей.

Другое русское православное кладбище находилось в самом начале Большого проспекта и называлось Новым, или Успенским кладбищем; его храм также был посвящен Пресвятой Богородице, Матери жизни, молитвами Своими избавляющей от смерти души наши. Храм Успения был построен в виде корабля. На спасительном борту молитв этого церковного корабля души умерших переплывали через мытарства к тихой пристани спасения. Здесь, как и в большинстве городских храмов, ежедневно совершалась Божественная литургия. Бескровная Жертва Искупления приносилась о душах почивших. Пять священников, чередуясь, совершали ежедневно панихиды на могилах кладбища. Много сложных душевных состояний пришлось наблюдать кладбищенским священникам, много скорбных повествований о человеческом горе выслушали они от посетителей кладбища и много утешающих духовных бесед о христианском уповании нужно было провести батюшкам, идя до могилы.

Кладбище располагало большой территорией; там нашли для себя место упокоения десятки тысяч русских людей. Войдя в кладбищенские ворота, вы проходите аллеей до арки, над которой помещается колокольня, а затем далее той же аллеей, вдоль которой по обеим сторонам стоят густые высокие деревья, — до самой церкви. За деревьями аллеи разбиты два сквера с цветочными клумбами и фонтанами. В правой стороне кладбища помещалась богатая оранжерея,

администрация которой принимала заботы об уходе за могилами, вплоть до ежедневного возжигания лампад. Недалеко от главной аллеи находился большой сад с яблонями, вишней, крыжовником, черной смородиной и другими ягодами. Тут же находилась и пасека. Все кладбище, можно сказать, утопало в зелени. Среди деревьев во множестве были плодовые: черемуха, боярышник, различные сорта яблок-ранеток. Некоторые участки представляли собой зеленеющие поляны, в весеннее время благоухающие ароматными фиалками и другими цветами. Это место можно было назвать не просто кладбищем, а скорее парком для захоронения.

На территории кладбища помещался также епархиальный свечной завод, снабжавший свечами, лампадным маслом, вином и кадильным углем все церкви епархии.

В день храмового праздника Успения Божией Матери после архиерейского служения Божественной литургии совершался крестный ход по кладбищу с пением праздничного тропаря и ирмосов канона. На братских могилах воинов, павших в войну 1904–1905 гг., совершалась краткая лития. Весь день на кладбище шла масса народу для служения панихид на могилах своих близких.

Много народу бывало на кладбище и в день святой Пасхи. Многие любили встречать пасхальную ночь в кладбищенском храме. В Великую субботу, часов с десяти вечера, нарушалась обычная тишина ночи на кладбище. Множество машин из города подходило к кладбищенским воротам, доставляя православных богомольцев к светлой заутрене. Перед самым началом богослужения вдоль главной аллеи зажигались на деревьях цветные фонари, а в промежутке между ними горели плашки, создавая изумительную картину ночного торжества. Крестный ход и светлая заутреня совершались при большом стечении городских богомольцев. По окончании заутрени многие возвращались в свои дома, а другие после Божественной литургии отправлялись на родные могилки, чтобы принести своим близким первое приветствие с торжеством победы жизни над смертью, и при мерцании лампад ожидали там утреннего рассвета.

Наибольшее стечение народа на кладбище наблюдалось, конечно, в день Радоницы. Если в праздник Богоявления почти весь православный Харбин направлялся на реку Сунгари, то в этот день пасхального поминовения усопших такое стечение народа наблюдалось на Успенском кладбище. Для совершения панихид на могилах съезжалось на кладбище не только все городское духовенство, но и священники из ближайших линейных приходов. Идешь по кладбищу и слышишь и впереди и по сторонам панихидное пение: здесь поют *Христос Воскресе*, там произносится ектения, тут поют *Со святыми упокой*, а там уже *Вечную память*, и это продолжается в течение все-го дня до пяти часов вечера, когда все объединяются на месте вселенской панихиды на одном из участков кладбища. Панихида совершается архиерейским служением со множеством духовенства при пении усиленного соборного хора.

Возвращаясь с кладбища, верующие раздают милостыню деньгами или пасхальными куличами и яйцами убогим, во множестве собравшимся в этот день поминовения. «*Веруй в Мя, аще и умрет — оживет*», гласит выдержка из Евангелия, помещенная на своде ворот кладбища, которую, обернувшись для крестного знамения, читают уходящие домой к своим житейским занятиям с этого места покоя православные люди.

При коммерческих мужском и женском училищах Харбина существовала своя школьная церковь, посвященная святителю московскому Алексию. При переходе этой железнодорожной школы в ведение советской администрации церковь перешла на положение приходской и заняла наемное помещение в районе Зеленого базара. Позже была построена типовая церковь на Кривой улице, где и утвердился *зеленобазарский* приход, объединив около своего храма и часть жителей Нового города.

В районе Славянского городка существовала другая школьная церковь при училище Русского дома, освященная во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В 1946 году это закрытое учебное заведение было реорганизовано в Лицей святого благоверного князя Александра Невского и перешло в духовное ведомство. Настоятель Иоанно-Богословской церкви состоял директором Лицея и духовным руководителем учащихся. При закрытии Лицея престол и церковный иконостас были перенесены в Дом милосердия, где был сооружен второй придел Скорбященского храма в честь святого апостола Иоанна Богослова.

Тюремная церковь святителя Николая имела свое специальное назначение как место покаянно-го исправления и нравственного ободрения узников Харбинской тюрьмы. Церковь требовала сугубого духовного попечения о своих посетителях со стороны периодически обслуживавшего ее причта Иверского храма на Пристани.

Другие харбинские церкви имели обычное приходское назначение как очаги духовной жизни (в благодатном питании верующих святыми таинствами) и религиозно-нравственного воспитания. Такими приходскими храмами были: первый по времени основания — Свято-Николаевский в Старом Харбине, Петро-Павловский в Сунгарийском городке (Нахаловке), Пророко-Ильинский при железнодорожных механических мастерских, Борисо-Глебский в Остроумовском городке (Ченхе), Иоанно-Предтеченский в Московских казармах, Свято-Николаевский в Затоне и Иверский в Госпитальном городке.

Иногородние и станционные приходы и монастыри Харбинской епархии были расположены по Южной, Восточной и Западной линиям Китайской Восточной железной дороги и в районе Трехречья.

Строго церковная жизнь и деятельность Харбинской епархии под руководством благостных харбинских святителей объединяла все слои русского населения в ее пределах. Краткое изложение некоторых моментов жизни Церкви и перечисление существовавших храмов далеко не исчерпывает, конечно, всего обильного материала истории Харбинской епархии и ее церковного значения. Полнота церковной жизни может выявляться, однако, и в той доле действительности, свидетельство о которой приведено в этих немногих строках. Мы не касались здесь всех событий, которые могли иметь обще-епархиальное или даже общецерковное значение, мы не представили полного описания всех храмов и их истории, не упомянули обо всех духовных и светских незаурядных личностях, отдавших всецело духовническому, проповедническому, административному, благотворительному или воспитательно-образовательному делу Церкви. Мы не изобразили здесь вполне картину церковно-бытовой жизни Харбина во всей ее памятной привлекательности. Мы привели лишь те немногие, но дорогие воспоминания, которые пробуждают в нас чувство благодарения Богу, давшему нам возможность и в чужой стране жить в условиях созидательной церковной работы, видеть и пережить проявление религиозного духа, иметь твердую опору и руководство в своих духовных наставниках. Эти добрые воспоминания и сейчас воодушевляют нас на жизненном пути, воскрешая перед нашим мысленным взором лучшие образы жизни Харбинской епархии в ее славном прошлом.